

Я тоже открыл свой рюкзак. Давненько уже не пользовался оружием. Да, я на всякий случай взял его с собой, но не думал, что придется переломить ружье. Учитывая все, что довелось пережить, я считал применение оружия неприемлемым. Но, видимо, сейчас придется поступиться собственными принципами.

Хотя не думаю, что здесь так все запущено. В мире не так много древних гробниц, посещение которых может стоить жизни. Большинство известных ловушек через сто лет выходит из строя. А таких мастеров, как Ван Цзанхай, который мог создавать проекты на века, не так уж и много.

Натянув обратно просохшую одежду, мы втроем поднялись на стену. Ветер дул в лицо с такой силой, что казалось, соляные наросты покачиваются, словно цветы на берегу обычного озера, рассыпая вокруг с лепестков белые снежинки. Такое ощущение, что мы просто в снегопад решили прогуляться по плотине Су гуна. (прим. плотина Су гуна - еще одна достопримечательность озера Сиху в Ханчжоу.)

Толстяк сказал: "За последние несколько лет я мечтал, что у нас троих появится возможность погулять в Ханчжоу под снегом. Не думал, что эта мечта сбудется в таком месте. Только взгляните на эту картину, правда же похоже на озеро Сиху?"

Я направил свет шахтерского фонаря на водную гладь озера. Здесь всегда царит полная темнота. А сейчас на нас напало что-то, обитающее в воде, возможно, привлеченное ярким светом. Если для этого вида рыб характерен положительный фототаксис, тогда все логично. И мы можем выманить ее с помощью фонарей. (прим. положительный фототаксис - двигательная реакция организма в ответ на световую стимуляцию. При положительном фототаксисе живой организм двигается в сторону света. При отрицательном фототаксисе, наоборот - подальше от света.)

Чем дальше от берега, тем сильнее становился ветер. Я поплотнее закутался в шарф. Вокруг все та же тьма, описывать совершенно нечего. Соляной налет полностью покрывал каменную стену, которая казалась очень прочной. Тропа по верху стены была широкой, легко можно было идти втроем плечом к плечу. Но мы шли вереницей друг за другом, опасаясь, как бы рыба не выпрыгнула из воды. Правда, стена поднималась над водой на четыре метра, вряд ли рыба способна прыгать так высоко.

Белая стена-плотина, словно занесенная снегом, рыба в озере, напоминающая огромную змею - я невольно чувствовал себя героем сказки о Белой Змее. Если бы я был писателем, то сочинил бы красивый роман, где вместо стены мы шли по окаменевшему хребту гигантской змеи, а внизу, в воде застыли силуэты людей, ее потомков, превратившихся в соляные столпы. Толстяк тоже был под впечатлением от здешних видов, но его фантазия оказалась более примитивной.

"Эй, мы словно монахи династии Тан, пересекающие пересохшую реку, превратившуюся в зыбучие пески. Правда, похоже... старик с благочестивым сердцем, царь обезьян и... — поочередно тыкнув пальцем в Молчуна и меня, на себе он осекся. — Нет, мне сравнение с "Путешествием на запад" не нравится". (прим. естественно, не нравится. Сравнив Молчуна с Сунь Укуном, У Се - с монахом Ша Уцзином, Толстяк понял, что ему достался Чжу Бацзе, получеловек-полусвинья. Хотя, вообще-то у него был выбор, там еще есть принц, которого превратили в белого коня-дракона. Однако, Толстяку Чжу Бацзе подходит идеально.)

Я расхохотался: "А мне кажется, тебе этот образ идеально подходит. Ты отлично делаешь свою работу, обожаешь поесть, любишь девушек. Это прям твое истинное лицо. Я же не обиделся, когда ты меня с Ша Уцзином сравнил". (прим, У Се мог бы и обидеться. Если Чжу Бацзе - волшебник, который, несмотря на любовь к обжорству, выпивке и плотским утехам, умудрился

заслужить звание Небесного Генерала, то Ша Узцин сначала был Небесным Генералом, но был наказан и превращен в песчаного демона-людоеда и сожрал много людей, а их черепами украсил себя, сделав ожерелье.)

Толстяк чуть не задохнулся от возмущения: "Не льсти себе. Когда переходили реку Зыбучих песков, с ними не было Ша Узцина, он сидел в песке. В лучшем случае, ты - никчемный белый конь-дракон".

В этот момент Молчун, шедший впереди, встал, как вкопанный, и мы чуть в него не врезались. Я решил, что у него тоже появились претензии к навязанному образу, может быть, он не хочет быть обезьяной. Но он молчал, светя перед собой шахтерским фонарем. И мы увидели, что впереди каменная стена плавно переходила в какое-то здание.

Основание постройки перегораживало каменную тропу, а в озеро по обе стороны стены спускались галереи, укрепленные каменными колоннами, сплошь покрытыми мерцающими соляными кристаллами. Это здание представляло собой трехуровневый павильон, из-за соли казалось, что он выкрашен в белый цвет. Одна из колонн была повреждена, из-за этого все здание немного покосилось.

Глядя на это древнее сооружение, я пытался понять, что меня смущает. Присмотревшись, я понял, что его пропорции были необычными. Во-первых, его высота небольшая, всего в три человеческих роста. И павильон напоминал формой обычный придорожный храм.

Мы переглянулись. Ну конечно, когда я спрашивал, зачем построена эта стена, Толстяк говорил, что ответ кроется в ней самой.

Мы медленно подошли ближе, а я чувствовал, как внутри меня растет неосознанное раздражение. Может быть последние спокойные шесть месяцев вернули мне давно забытый страх смерти. Думаю, если бы древние умели делать мины, то процент успешных ограблений гробниц был гораздо ниже. Правда, никому в голову не придет закладывать мины у себя дома, а гробница - тоже дом, только для мертвых.

Каменная тропа вела к верхнему уровню здания, к двери, полностью покрытой толстым слоем соли. Толстяк несколько раз толкнул дверь ногой и, нагнувшись, зашел внутрь. Там стояли две статуи напротив галерей, спускавшихся к озеру. Лица статуй смотрели в сторону воды.

Статуи так сильно покрыты солью, что, казалось, сделаны из клейкого оплывшего риса, черты лиц не разобрать, возможно, это Будды или кто-то из трех бессмертных. Толстяк подошел к той статуе, что обращена к внешнему озеру, и постучал по ней молотком, сбив соль и обнажив камень.

Мы поспешили ему на помощь и, сбив всю соль, увидели статую, которую мне никогда не доводилось встречать: тело человека, а голова огромной рыбы.

Резьба была грубой, не похоже на работу мастеров.

Мы долго молчали, рассматривая статую. Наконец, Толстяк пробормотал: "Похоже, это бог супа из тофу с рыбьими головами".

Мы осветили озеро сразу тремя фонарями, Толстяк подошел к самому краю каменной тропы и задумчиво спросил: "Может быть, это озеро на самом деле кастрюля с супом из тофу, в котором плавают огромные рыбы головы?"

"Только суп не такой вонючий". Поддерживая шутку Толстяка, я подумал, что этот суп еще и очень пересоленный, поев такой, легко коньки отбросить. Пока мы фигней страдали, Молчун продолжал освобождать статую от соли и вдруг сообщил: "Это что-то вроде Лун-вана". (прим. Лун-ван - король драконов, обычно водяной дракон.)

"Лун-ван? — переспросил Толстяк. — Тогда это не бог супа из тофу, это бог "Будды, перепрыгивающего стену". (прим. "Будда, перепрыгивающий через стену" - еще один суп, фунцзянская кухня.)

Я сказал ему, чтобы он прекратил чушь городить, и спросил Молчуна, что это за Лун-ван, если статую ему поставили здесь. Младший брат бросил взгляд на гладь озера и направился к статуе, смотрящей в другую сторону. Мы помогли ему сбить соль. Это тоже был человек с головой рыбы, но фигура женская.

Мы с Молчуном еще раз внимательно осмотрели обе статуи, он присел на корточки, изучая ягодицы этих Лун-ванов и обнаружил, что статуи не просто сидят на земле, их задницы соединены. И вообще это не две статуи, а одна. Два тела с одним копчиком.

"Это... — Молчун на секунду замялся. — Это мертвое озеро..." (прим. в оригинале - мертвая вода/стоячая вода.)

Он оборвал фразу на полуслове, думаю, не был уверен в своем выводе. Толстяк в это время, потирая подбородок, поднял голову и воскликнул, указывая наверх: "Гляньте, что это там?"

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/82870/3231442>